

Дмитрий Коваль

ЧУДЕСА У МЕНЯ ПОД НОГАМИ

(очерки о находках)

Дмитрий Коваль

**Чудеса у меня под ногами.
Очерки о находках**

«Издательские решения»

Коваль Д.

Чудеса у меня под ногами. Очерки о находках / Д. Коваль —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968139-3

Многие из нас находили в лесу, в полях, в горах, на речном или морском берегу что-либо необычное, оставившее след в памяти на всю жизнь. Но есть особая порода людей, для которых искательство становится образом жизни и даже профессией... Но часто открытия совершаются не профессионалами, а любителями или вообще случайными людьми, не лишенными, однако, наблюдательности и пытливого ума... Много интересного порой лежит у нас прямо под ногами — стоит лишь разглядеть, наклониться и поднять...

ISBN 978-5-44-968139-3

© Коваль Д.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ЗОЛОТО	8
ДРЕВНИЕ КОСТИ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Чудеса у меня под ногами

Очерки о находках

Дмитрий Коваль

© Дмитрий Коваль, 2019

ISBN 978-5-4496-8139-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всю жизнь, с раннего-раннего детства, я обожал что-нибудь искать: грибы в лесу, ракушки в пляжном песке, старинные монеты среди пуговиц в бабушкиной шкатулке. Мне было не важно, что искать. Главное – это был сам процесс! И, наверное, я не испытывал бы такой привязанности к этому процессу, если бы мне не сопутствовала удача, порой головокружительная.

С ранних лет особый интерес у меня вызывали разного рода древности, старинные вещи – немые свидетели событий, происходивших задолго до моего рождения. Изначально, как и, наверное, любой другой ребёнок, я наивно полагал, что весь мир вокруг появился вместе со мной. А потом пришлось долго привыкать к мысли, что окружающий меня мир существовал задолго до моего рождения, и начало его не застали не только мои родители, но даже дед с бабушкой. Поначалу это просто не укладывалось в голове! И любая информация о том, «что было раньше» вызывала у меня огромный интерес. Поэтому, когда я научился читать, одними из моих первых прочитанных книг стали книги об археологических раскопках и о происхождении человека.

На следующем этапе меня ждало ещё более удивительное открытие: мир существовал задолго до появления человека! И даже задолго до появления самой примитивной жизни на Земле! Он был другим, абсолютно не похожим на нынешний, и попытки заглянуть в него хотя бы «одним глазком» привели меня к науке палеонтологии...

Но кроме бездны былых времён, меня не менее влекли бездны земных недр. Жажда понять, что находится у нас под ногами, в глубине Земли, заставляла меня брать в руки лопату и вгрызаться в недра огорода у нашего дома. Год за годом я копал ямы всё глубже и глубже, попутно совершая маленькие археологические открытия...

Конец этим раскопкам положило знакомство с гранитным карьером. Бездна этой горной выработки произвела на меня сильное впечатление. И с этого момента я окончательно и бесповоротно стал превращаться в искателя-скитальца, охотника за ископаемыми древностями, окаменелостями и минералами...

Однажды поздним вечером, в маленьком домике на берегу небольшой чукотской речушки, затерянной среди голых сопок Анадырского плато, девушка Женя, мой Друг и моя коллега по работе в геолого-поисковой партии, при пламени свечи зачитала мне отрывок из «Живой этики», в котором, по её мнению, было сказано словно обо мне:

«Познавательность есть особое качество сознания. Оно не зависит от рассудка; не зависит от окружающей среды; не зависит от школьного образования, – оно слагается в области сердца. Человек, накопивший это качество, не может быть отрешён от познания. Посредством психической энергии он найдёт возможность познать даже среди самых отвратительных обстоятельств.

Особенно значительно наблюдать таких людей от малых лет. Они отличаются от окружающих их и как бы знают своё назначение. Иногда эти знания проявляются даже в неожиданных словах. Иногда сами действия ребёнка показывают, насколько дух его ищет нечто определённое...»

Каждая из описанных в этой книге историй уходит своими корнями в моё необычное, насыщенное различными увлечениями детство. В процессе взросления большинство увлечений отсеклось, освободив место тем, что были связаны с искательством, исследованием земных недр и прошлого нашей планеты.

Многие из нас хоть раз в жизни находили в лесу, в полях, в горах, на речном или морском берегу что-либо необычное, оставившее след в памяти на всю жизнь, или хотя бы на долгие годы. Но есть особая порода людей, для которых искательство становится образом жизни и даже профессией. Например, это геологи, археологи, палеонтологи. И чаще всего эти профессии выбирают по зову сердца, ибо их издержки – «скитальческий» быт в периоды полевых исследований, полная самоотдача, часто невысокая зарплата – многим кажутся не по плечу. Но те, кто всё-таки выбирает этот путь, – счастливые люди, ибо интереснейшие открытия, находки, яркие экспедиционные впечатления и приключения наполняют их жизнь глубоким смыслом и содержанием. Своим кропотливым повседневным трудом они мало-помалу расширяют горизонты наших знаний о нашей планете, её истории, истории человечества.

Часто бывает, что значительные открытия совершаются не профессионалами, а любителями. Бывает даже, что открытия делаются вообще случайными людьми, не лишенными, однако, наблюдательности и пытливого ума. Кто-то, например, обратил внимание на необычный камень, подобрал его, показал специалистам – а камень оказался метеоритом. Кого-то заинтересовал черепок на пашне – и по его сообщению археологи раскопали в этом месте древнее поселение. А кто-то увидел на дне оврага необычно крупную кость...

Много интересного порой лежит у нас прямо под ногами – стоит лишь разглядеть, наклониться и поднять...

ЗОЛОТО

В детстве среди моих разнообразных увлечений выделялось одно, обещавшее принести нашей семье большую практическую пользу, – я мечтал найти клад.

Мне очень хотелось помочь своим родителям поправить материальное положение нашей семьи, подорванное пожаром. Пожар этот случился одной морозной зимней ночью, когда мне было всего полтора года. Наша семья тогда жила в небольшом прикамском городке Чёрмозе, в обычном деревянном доме. Дом сгорел. Все чудом остались живы, но физические и психологические травмы получили практически все члены нашей семьи. А вскоре после случившегося на семейном совете было принято решение о переезде на Украину, на родину деда, в город Кременчуг.

В Кременчуге мы поселились в небольшом частном домике на окраине города. Первые годы наша семья, состоявшая из шести человек, жила достаточно бедно, поскольку приходилось ремонтировать глинобитный дом и обживаться хозяйством. Но дети – я и моя младшая сестра – ничем не были обделены: одеты, сыты, ухожены, имели массу игрушек и стопки детских книжек. Наше детство было счастливым. Тем не менее, разговоры родителей о проблемах семейного бюджета в тесном доме не могли не доноситься до наших ушей...

Однажды, выгребая из остывшей печки угольный шлак, отец обнаружил в нём жёлтый, блестящий как ёлочная мишура, камень. Удивлённый этой неожиданной находкой, он позвал маму. Заинтригованные, подбежали и мы, дети. Отец высказал робкое предположение, что это золото. Но как оно попало в печь? Это могло произойти только вместе с углём. После недолгих размышлений о том, что делать дальше, у родителей возникла идея показать находку какому-нибудь ювелиру. Но едва отец крепче сжал камень в своей ладони, он с тихим хрустом превратился в грудку мелких осколков. Вместе с этим камнем рассыпалась в прах и наша надежда скоро разбогатеть. Родители поняли, что это не золото. Но что?

Мои представления о золоте в те детские годы были, конечно, ещё весьма расплывчаты и наивны. Например, и я, и моя сестра всерьёз думали, что фольга от шоколадных конфет делается из золота. Мы собирали и хранили её как драгоценность. Настоящего же золота мы не знали – золотых украшений ни у мамы, ни у бабушки не было. Поэтому я всерьёз воспринял предположение кого-то из взрослых, что золото в печке могло просто «перегореть» – якобы, поэтому оно и рассыпалось. Чтобы не допустить подобного в будущем, я принялся перелопачивать угольную кучу в сарае. Но сколько я ни рылся в угле, золота там так и не нашёл.

Однако горячее желание помочь родителям поправить материальное положение нашей семьи заставило меня приступить к реализации другого плана: я решил попытать счастья в поисках клада...

Начитавшись книг об археологических раскопках и наслушавшись бабушкиных рассказов о найденных в огородах кладах, я всерьёз поверил в то, что земля и нашего огорода может скрывать некие ценности. Ближе к осени, когда урожай с некоторых грядок был уже собран, я принялся за дело. Взрослые восприняли моё начинание достаточно либерально и с долей иронии: мол, чем бы дитя ни тешилось – лишь бы не плакало. В глубине души они, наверное, хоть немного, но надеялись на мой успех: чем чёрт не шутит – может на самом деле клад найдёт. Во всяком случае, дед, иронично посмеиваясь, вспоминал евангельскую притчу о сыновьях виноградаря. Эта притча гласила о том, как умирающий отец указал своим сыновьям на зарытый в винограднике клад. Сыновья перерыли весь виноградник, но ничего не нашли. Зато виноград на тщательно перекопанной земле стал обильно плодоносить.

«Археологические раскопки» в нашем огороде длились с сезонными перерывами не одно лето, охватывая то один, то другой участок огорода. Я находил куски полуистлевшей древесины (корни давно спиленных садовых деревьев), обломки костей и зубы мелких домашних живот-

ных, кусочки угля, ржавые гвозди. Особенно меня интриговали редкие находки морских ракушек. Их присутствие в почве нашего огорода невольно наводило на мысль, что когда-то здесь было море. Но заветного сундучка или горшочка с золотыми монетами я так и не нашёл. На глубине больше метра моя лопата иногда вскрывала тонкие прослойки чистого песка – такого же, как на берегу Днепра. Интересно было узнать, что находится ещё глубже: глина, песок или камни? Так, постепенно, тающие мечты о кладе освобождали в моей голове место размышлениям о внутреннем строении Земли...

Интерес к камням проявился у меня тоже рано, лет в пять – шесть. В одном месте на нашей улице из земли торчал большой камень. В пять лет он казался мне скалой. И меня почему-то тянуло к нему как магнитом. Помню, мне было интересно: «А что внутри этого камня? Глубоко ли он сидит в земле? Что находится под ним?». Однажды, по пути из детского сада моё внимание привлекла россыпь на дороге, состоявшая из белых искрящихся, похожих на сахар-рафинад, камешков. Подобрал их и принёс домой. Правда, в сам дом мама меня с ними не пустила и заставила выложить их у порога. А когда пошёл дождь, я с интересом наблюдал за этими камнями сквозь приоткрытую дверь: растворятся они или нет? И вопреки внешнему сходству с рафинадом они после дождя остались неизменными.

Мой интерес к камню рос вместе со мной. Сопrotивляться моим находкам маме приходилось всё сложнее. Когда я пошёл в первый класс, то у ворот школы обнаружил россыпи серого щебня. Щебень был совсем свежим и переливался на солнце гранями сглавленных зёрен. Равнодушно пройти мимо таких «сокровищ» я не смог. Выбирая самые красивые камешки, я набивал ими карманы своего пиджака. Неизвестно сколько бы щебня я тогда унёс в своих карманах, если бы меня не остановила вышедшая с родительского собрания мама. Помню, как она меня пожурила: «Я купила тебе школьную форму не для того, чтобы ты набивал её карманы камнями!».

А дома я систематически мучил деда вопросами о том, как называется тот или иной камень. Дед не был знатоком камня, и поэтому мог подсказать мне только три определения – «кремень», «гранит» и «порода». Поскольку одно и то же определение он порой употреблял для камней совершенно разного вида, я иногда сомневался в том, что он говорит правду, но другого источника информации о камнях у меня тогда не было. На защиту измученного мной деда пыталась встать бабушка. Но стоило ей неосторожно обмолвиться о расщепляющейся на тонкие листочки слюде, как я сразу сделал вывод, что и она тоже немного разбирается в камнях...

Родителям от моей жажды геологических знаний доставалось меньше всего. Мама после работы была с головой погружена в домашние дела. А отличавшийся всесторонней эрудицией отец вообще редко бывал дома. Он работал капитаном буксирного теплохода и часто уходил в рейсы на двое, а то и на трое суток. Однажды он принёс с работы большой блестящий камень мясо-красного цвета, издающий запах сырого речного песка. «Это пятихатский камень», – представил мне его отец. И я долгое время думал, что этот камень действительно так называется, не догадываясь, что на самом деле он просто происходит из Пятихатского карьера, расположенного на берегу Днепра.

Чуть позже мой лексикон обогатился ещё одним красивым термином – «минерал». Он был подхвачен из телепередачи «Клуб кинопутешественников». Врезалась в память картинка: Юрий Сенкевич, ведущий передачи, демонстрировал на столе какие-то большие блестящие камни, произнося их названия. Слово «минерал» в его рассказе звучало чаще всего, поэтому я его и запомнил. Поскольку же изображение в нашем телевизоре было чёрно-белым, у меня сложилось убеждение, что «минерал» – это название чёрного блестящего камня. Вспомнив, что похожие «минералы» встречались мне в кучах щебня на ближайшей стройке, я тут же бросился собирать их...

Во втором классе, на уроках природоведения, мои знания о камнях значительно расширились. Ещё на летних каникулах, получив в школьной библиотеке учебник «Природоведение», я сразу взялся за его изучение, привлечённый цветными иллюстрациями «полезных ископаемых» на развороте его обложки. Там были изображены медный колчедан, боксит, апатит, графит, каменная соль, золото. Оседлав велосипед, я принялся обследовать кучи щебня на стройках и железнодорожные насыпи в поисках похожих камней.

С началом нового учебного года моё знакомство с полезными ископаемыми продолжилось уже в стенах школы. Однажды учительница принесла на урок коробки с разными камнями. В них лежали образцы гранита, ракушечника, кварца, слюды, железной руды, угля, торфа, мрамора. Эта школьная коллекция навела меня на мысль собирать свою собственную коллекцию полезных ископаемых...

Мама хотя и не приветствовала на первых порах появление в нашем доме «булыжников с улицы», позже всё-таки внесла весомый вклад в развитие моего увлечения. Она стала приносить мне книги о камнях, с помощью которых я пытался определять свои находки. Через год я уже уверенно определял кварц, слюду, полевой шпат, гранит, слюдяной сланец. А ещё она приучила меня мыть камни щёткой с мылом и складывать их в коробки из-под конфет. Так моя коллекция «полезных ископаемых» постепенно приобретала цивилизованный вид.

Осматривая кучи щебня, я порой находил в них камни с золотисто-жёлтыми металлически блестящими включениями. «А вдруг это золото!?» – думал я, и даже хвастался своими находками одноклассникам. Но однажды мои подозрения развеял приехавший с Южного Урала родственник – дядя Володя:

– Да это колчедан! – с абсолютной уверенностью воскликнул он. – Приезжай к нам в Верхний Уфалей – у нас там его столько валяется!..

Ещё раз досконально осмотрев «вкрапления золота» и сравнив их с описаниями колчеданов в «Определителе» Музафарова, я убедился, что это действительно один из них – либо серный колчедан (пирит), либо медный колчедан (халькопирит). Позже прочитал в литературе, что эти минералы часто принимали за золото неопытные золотоискатели. Они же прозвали пирит «золотом дураков». Так что не я один попался «на удочку» природы.

Между тем, одноклассники, узнав о моём «странном» увлечении, порой прикалывались надо мной: «Ну что, нашёл золото?». Видимо, они считали, что я только для того и «роюсь в камнях», чтобы найти среди них золотые самородки.

Первое настоящее золото я увидел в августе 1978 года в витрине Пермского краеведческого музея. Там было много разных красивых камней, подобных тем, что были изображены в «Занимательной минералогии» А. Е. Ферсмана. Камень с золотом среди них красотой не выделялся. Да и крохотные жёлтые вкрапления разглядеть в нём удалось не сразу. Табличка под камнем гласила: «Золото в кварце». «Почти как пирит, только цвет ярче», – подумал я.

Золото в кварце. Пермский край, бассейн Вишеры. фото Музея пермских древностей

О том, что в окрестностях Кременчуга есть несколько каменных карьеров, я знал с детства. Приглушённые звуки взрывов доносились из них почти ежедневно. Своими впечатлениями от осмотра одного из таких карьеров однажды восторженно поделился отец. По роду своей работы ему часто приходилось буксировать от карьерных причалов в Кременчугский порт баржи-рудовозы, гружёные щебнем. Во время одного из таких рейсов, пока шла погрузка, он нашёл несколько свободных минут, чтобы удовлетворить своё любопытство...

Тщётно я просил отца взять меня с собой в рейс. Работая сутки, а то и двое-трое, он не мог там «возиться» ещё и со мной.

Впервые к краю большого гранитного карьера меня подвела соседская девчонка. Это случилось, когда мне было 10 лет. Вид «разверзшихся» недр произвёл на меня глубокое впечатление. Я впервые увидел своими глазами те земные слои, до которых ещё недавно тщётно пытался добраться с помощью лопаты.

Отныне этот карьер стал главным источником образцов для моей коллекции. Через три года постепенно отсеялись другие увлечения. Камни заполонили все мои мысли и желания. В седьмом классе я уже твёрдо решил, что буду геологом.

В погоне за новыми находками и геологическими впечатлениями я облазил все гранитные карьеры в окрестностях Кременчуга. Но в большинстве из них породы были довольно однообразны – серые плагиоклазовые граниты, чёрные амфиболиты, розово-красные микроклиновые граниты. Душа же жаждала минералогических диковинок. Лишь с годами, благодаря терпению и наблюдательности, я постепенно стал открывать для себя в однообразных кременчугских гранитах мелкие выделения граната, эпидота, горного хрусталя, магнетита, малахита, турмалина и других минералов. Золота среди моих находок не было, хотя на первых порах едва ли не каждое включение золотистого пирита вселяло в меня робкую надежду...

Горная страна моего детства (Кременчуг, Песчанский гранитный карьер)

В 16 лет судьба на два месяца забросила меня в Днепродзержинск – промышленно развитый город, расположенный в ста километрах от Кременчуга. Будучи учащимся ПТУ, я проходил практику на одной из крупных заводских строек. Взобравшись однажды на башню, взметнувшуюся над городом на высоту птичьего полёта, я разглядел на городской окраине гранитный карьер...

Днепродзержинский карьер порадовал меня многими новыми минералогическими находками. Особенно меня впечатлили розовые граниты с обильными вкраплениями золотистого пирита и травяно-зелёного эпидота. Причём часто пирит выступал из породы отдельными мелкими кристалликами кубической формы. Привезённые из Днепродзержинска образцы я показал своим знакомым геологам, у которых консультировался уже на протяжении трёх последних лет. Внимательно и с интересом осмотрев камни, они высказали мнение, что данные пиритизированные граниты могут содержать в себе некоторую концентрацию золота. «Хорошо было бы отправить эти камни на анализ в Киев», – задумчиво произнёс Станислав Иванович. Но в то время он с супругой, Татьяной Владимировной, тоже геологом, уже давно были на пенсии и растеряли прежние профессиональные связи. Так что анализ моих образцов остался только в их пожеланиях.

А вообще, в рудных месторождениях золото часто концентрируется в кристаллах пирита в виде изоморфной примеси. Масса этой примеси обычно ничтожно мала. Но её наличие может указать на близкое расположение рудных жил с достаточно высокими концентрациями золота. Поэтому пирит и золото часто являются минералами-спутниками. Там, где много пирита, стоит поискать и золото. Не случайно у золотоискателей прошлого «золото дураков» постоянно маячило перед глазами.

Второй раз настоящее золото я увидел в витрине Музея естествознания Харьковского университета. Как и в Пермском краеведческом музее, это были мелкие вкрапления в какой-то породе. Но рядом, под стеклянным колпаком, находился большой золотой самородок, напоминавший своей ячеистой поверхностной скульптурой метеорит. Однако, внимательнее прочитав этикетку под ним, я был несколько разочарован – это был не настоящий самородок, а муляж, покрашенный «золотой» краской – муляж знаменитого самородка «Большой треугольник», найденного на Урале в 1842 году.

Самородок золота «Большой треугольник» весом 36,2 кг, найденный на Урале в 1842 году. Источник фото: <https://zen.yandex.ru/media/treasure/zolotoi-samorodok-vesom-362-kilogramm-naidennyi-na-urale->

В 1987 году я поступил в Киевский геологоразведочный техникум, и там, через пару месяцев, в кабинете минералогии и петрографии сделал свою первую находку настоящего золота. Дело же было так. Пришло время сдачи зачётов по теме «самородные элементы». Я сдал зачёт одним из первых – на «пять». Но поскольку в техникум я пришёл уже «бывалым геологом», сокурсники часто обращались ко мне за консультациями. Действительно, многие из них до этого камень в руках не держали и проходили сейчас тот этап в его познании, который я проходил в детстве, лет за десять до этого. И вот, мы сидели за столами, заставленными ящиками с учебными образцами. Мои товарищи составляли описание тех или иных образцов, давали им определение, а затем шли показывать свой результат нашему преподавателю – заслуженному знатоку минералов Бублию Николаю Ивановичу. Поскольку Николай Иванович и без того был со всех сторон облеплен студентами, сующими ему свои конспекты и образцы, некоторые из студентов вначале шли ко мне (к тому времени я уже успел заслужить в студенческой среде титул «настоящего геолога»). «Димка, посмотри – это пирит или золото?» – обратился ко мне один из них. Взяв образец, я разглядел в породе, состоящей в основном из грязно-белого кварца, зёрнышко золотистого цвета, размером около миллиметра. Недолго думая, царапнул зерно иглой: острей иглы мягко прошлось по вкраплению, оставив на его поверхности заметную металлически блестящую бороздку. «Ничего себе! Золото!» – тихо удивился я...

Но от Николая Ивановича мой товарищ вернулся разочарованный: «Он сказал, что это не золото, мол, смотри лучше». Я уговорил его сходить к нему снова, причем, вместе с иглой. А сам тем временем стал помогать определять образец другому студенту. Но вскоре меня отвлекли возгласы Бублия: «Да что ты ко мне привязался! Зачем мне его царапать! Иди отсюда, пока я тебе „двойку“ не поставил! Сам поцарапай его получше!» Обращаясь уже ко всем присутствующим, он заявил: «И запомните все: золота в учебной коллекции нет! А то каждый второй подходит и показывает мне „золото“!».

Но тут уже я не выдержал. Абсолютно уверенный в своей правоте, с образцом в руках я направился к облепленному студентами преподавателю. Со словами «Николай Иванович, это всё-таки золото!» я протиснулся к нему. Он, даже не глядя на камень, опять отмахнулся: «Ты хочешь, чтобы я тебе „двойку“ поставил!?!». С трудом удалось уговорить его взять в руки образец и иглу. Он небрежно царапнул жёлтое вкрапление лишь для того, чтобы я от него отвызался. Но когда игла в его руке скользнула по мягкому металлу, он пришёл в изумление...

Через минуту психологического замешательства Николай Иванович громко объявил, что ставит мне «пять» по зачёту. Мои же слова о том, что я уже итак сдал зачёт на «пять», просто потонули в изумлённых возгласах и его, и окружавших его студентов.

На следующий день очередную лекцию по минералогии он начал со слов: «Вчера один студент в моей учебной коллекции нашёл золото!..». Эта история стала легендой и на годы вошла в студенческий фольклор. По крайней мере, её вспоминали ещё спустя три года, когда, вернувшись из армии, я продолжил учёбу в техникуме. Правда, имя главного героя к тому времени давно затёрлось в бесчисленных пересказах.

Между тем, тема золота сопутствовала мне и во время прохождения армейской службы. Первые полгода я провёл в учебной части под Алма-Атой. Часть располагалась в селении Кара-Кемир, у самого подножия горного хребта под названием Заилийский Алатау. За селением один над другим громоздились покатые безлесные холмы, переходящие вдали в лесистые склоны и скалистые вершины, местами укрытые снегом даже в разгар жаркого лета. Душа моя, вслед за взором, летела туда: мечта полазить по настоящим горам была мечтой всей моей жизни. Но надежды на это не было никакой. Увольнений нам не давали, а будни солдата-курсанта были расписаны поминутно. Распорядок дня был настолько насыщен, а дисциплина была настолько строгой, что мы буквально не принадлежали себе – всё делалось строго по команде и бегом. Ни минуты покоя...

И всё-таки я умудрялся ловить редкие и короткие моменты бесконтрольности, чтобы подобрать в ручье, протекавшем по территории части, заинтересовавшую меня гальку. Порой удавалось найти любопытный камень во время занятий за территорией части. Самым «злачным» местом в этом отношении была долина реки Турген, протекавшей неподалёку. Но побывать на берегу этой реки удавалось лишь во время марш-бросков на стрельбище. Эти 10-километровые пробежки вдоль неё при полном снаряжении – с автоматами, в касках, с котелками, противогазами, подсумками – были для нас одним из самых тяжких испытаний. Бежали по 40-градусной жаре, в пыльном мареве, поднятом сотнями сапог, задыхались, изнемогали, натирали кровавые мозоли, порой до самого мяса, и молили Бога о том, чтобы быстрее добежать до проклятого стрельбища. И на фоне всего этого я стремился выполнить ещё одну задачу, которую ставил перед собой сам: на бегу я высматривал под ногами гальки необычного вида и, порой, успевал подхватить какую-нибудь из них. На меня смотрели как на чудака, но при этом испытывали уважение. Сержанты, шутя, даже ставили меня в пример нытикам: мол, смотрите, Коваль не только не ропщет, но ещё и набивает карманы булыжниками, видимо, чтобы ещё тяжелее было бежать.

Во время перекуров ко мне подходили любопытствующие, спрашивали, что, мол, за камни я собираю. Приходилось устраивать короткие лекции. Порой я говорил, что в этих горах, по всем признакам, должно быть золото. И это утверждение не было рекламным ходом. Я действительно был уверен в том, что где-то поблизости, в горах, могут находиться золоторудные жилы. Мне удалось установить, что ближайшие горы сложены гранитами, гнейсами и кислыми вулканическими породами, а состав речной гальки свидетельствовал о широком развитии в этих породах гидротермальных образований. Особенно много было белого кварца и эпидота. Всё это указывало на вероятность развития в жилах, золотого оруденения. И каково же было моё удивление, когда через пару лет в СМИ промелькнуло сообщение о том,

что в Казахстане, в горах Заилийского Алатау обнаружены месторождения руд с промышленными концентрациями золота.

Для дальнейшего прохождения службы я был направлен в «золотое сердце» Узбекистана, расположенное в Центральных Кызылкумах, у городов Учкудук и Зарафшан. Благодаря известной песне, Учкудук ассоциировался в моих представлениях с бескрайней пустыней и песчаными барханами. Но на деле оказалось всё не так. Среди песчаной равнины, утыканной редкими кустиками сухой травы, барханов я не увидел. Плоский ландшафт пустыни разнообразил скалистый кряж, абсолютно голый и безжизненный, железобетонные коробки современного горняцкого городка и нагромождения песчано-глиняных отвалов уранового рудника. Уран здесь начали добывать ещё в 50-х годах. Для того и построили в безводной пустыне город. А потом здесь нашли и золото...

На новом месте службы свободы было несколько больше. Удавалось найти время добраться до гранитного кряжа и побродить по его «инопланетным» ущельям. Среди моих находок были отполированные ветром гальки кварца, полевого шпата, разноцветного кварцита, кристаллики горного хрусталя, вкрапления граната в обломках розового гранита. Признаков золотого оруденения мне не встречалось. Позже удалось узнать, что золоторудные тела здесь концентрируются не в гранитах, а в чёрных кремнистых сланцах. Эти сланцы слагали покатые сопки, увенчанные протяжёнными гребнями, которые располагались к востоку от гранитного кряжа.

Кряж Букантау близ Учкудука и галька, собранная в окрестной пустыне. Фото автора

Через два месяца нашу часть под Учкудуком расформировали. Моя служба продолжилась в соседнем Зарафшане. По-узбекски, «зарафшан» – значит «золотоносный». Правда, первые строители называли этот город Златогорском. Здесь мне удалось более тесно познакомиться с золотоносными породами, поскольку близ города располагалось одно из крупнейших в СССР месторождений драгоценного металла – Мурунтау. Его разработка началась ещё в начале 70-х годов. Рудные тела здесь расположены в таких же кремнистых сланцах, как и под Учкудуком.

«Геологическая уникальность Мурунтау состоит в том, что кроме крупнейших запасов золотых руд, это признанный во всем мире эталон месторождений кызылкумского типа – крупнообъемного золото-кварцевого малосульфидного штокверкового оруденения в нижнепалеозойских черно-сланцевых толщах».

Информацию обо всём этом я собирал по крупицам из местных газет и из рассказов офицеров. Замполит нашей части, майор Пермяков, узнав о моём увлечении, принёс мне однажды в подарок увесистый образец «золотой руды». Но вкраплений золота в нём не оказалось – камень состоял из желтовато-белого кальцита (карбонат кальция) и сульфидов железа (пирит и пирротин). Позже я узнал, что золото Мурунтау преимущественно тонкодисперсное, невидимое для невооружённого глаза. Оно распылено в руде. Но концентрация его в среднем составляет 11 граммов на тонну породы. Для современных золоторудных месторождений это весьма неплохой показатель, поскольку в других странах практикуется добыча золота из руд, содержащих всего 2—3 грамма драгоценного металла на тонну вмещающей породы. Так что золото в подаренном мне камне всё-таки, наверное, присутствовало. В виде пылевидных частиц оно, вероятно, концентрировалось в сульфидах – в пирите и пирротине.

Между тем, подарок майора Пермякова сохранить не удалось. Однажды, в моё отсутствие, кто-то из сослуживцев-завистников разбил камень на мелкие кусочки. Возможно, этот «кто-то» надеялся найти внутри камня золотые самородки. Наиболее крупный обломок размером был с половину спичечного коробка. Его только и сохранил. На фото ниже изображён именно он.

Карбонатно-сульфидная руда Мурунтау. Фото автора.

Через полгода мне удалось побывать в самом «золотом» карьере. Размеры этой горной выработки оказались весьма внушительными. Охраны в карьере никакой не было. Да и охранять тут было нечего: всюду пыль, грязь и камни – однообразные чёрные кремнистые сланцы. Местами они были рассечены кварцево-пиритовыми жилами. А в свежем сколе сланца, на чёрном фоне, можно было заметить многочисленные мелкие гнёзда и линзочки пирита. В них золото, вероятно, и концентрировалось.

Я гулял по карьере абсолютно свободно, ничего и никого не боясь. Вокруг меня было достаточно безлюдно. Лишь далеко внизу гудела карьерная техника, пылили буровые станки. Экскаваторщики, управляя своими машинами, грузили руду в кузова огромных самосвалов, а потом эти самосвалы, надрывно ревя, поднимались по серпантину карьерной дороги наверх и везли свой груз на камнедробилку. С камнедробилки руда, измельчённая в мелкий щебень, по транспортной ленте подавалась на обогатительную фабрику. К самой фабрике я не подходил, но знал от офицеров нашей части, что она тщательно охраняется вооружённым до зубов

специальным батальоном внутренних войск. Да я и не мечтал там побывать, ведь самое интересное для меня было всё-таки в карьере...

Карьер Мурунтау. Источник фото: <http://www.alteko.com.ua/knk/knk18.jpg>

Когда начал моросить мелкий весенний дождик, на смоченной поверхности безликих чёрно-серых глыб вдруг начал проступать красивый плейчатый рисунок – камни, оказалось, состояли из смятых в мелкие складочки чёрных и серых слоёв. Красота!

В 1990 году, уже после моего возвращения из армии по одному из центральных телеканалов однажды показали сюжет, снятый на золотоизвлекательном заводе Мурунтау. Показывали цеха, простых рабочих, свеженькие золотые слитки, рассказывали о надёжной охране и строгом контроле. Интересный сюжет получился. И хотя многое из этого мне было уже известно, настоящим открытием для меня явились слова о том, что в Мурунтау добывается 25% золота от годового объёма его добычи во всём СССР. Если же учесть, что в 1990 году в СССР было добыто 240 тонн золота, то на долю Мурунтау пришлось примерно 60 тонн! Ради этого действительно стоило строить города в безводной пустыне!

После развала Советского Союза месторождение Мурунтау осталось за рубежом, в Узбекистане. Казалось бы, такой «клондайк» должен был сделать это небольшое среднеазиатское государство процветающим. Но более двадцати лет, с момента развала СССР, неиссякаемый поток гастарбайтеров из Узбекистана в Россию красноречиво свидетельствовал об обратном...

В начале 90-х годов, в пору распада СССР и разразившегося экономического кризиса, стала очень модной тема кладоискательства и «снятия покровов с тайн», связанных с золотом. Газеты наперебой писали о «золоте партии», о «золоте Колчака», о «кладе хана Кучума», печатали «сенсационные» репортажи с золотых приисков Сибири. У обывателя создавалось впечатление, что спасение висящей на волоске экономики страны сейчас зависит напрямую от того, сколько будет добыто золота и будет ли найден тот или иной исторический клад.

Газетная «золотая лихорадка» процветала и на Украине. Золото в местной прессе тоже преподносилось как панацея от всех экономических бед. Здесь «искали» золото гетмана Полу-

ботка, якобы заложившего бочонок с ним в один из английских банков. Журналисты подняли ажиотаж: вот, мол, найдём этот золотой бочонок – и вся Украина станет богатой и процветающей. Много также было сделано сенсационных сообщений об открытии «месторождений золота» то в одной части Украины, то в другой. Но в действительности оказывалось, что или золото залегает на недоступной для разработки глубине, либо обнаружены лишь незначительные его проявления.

Продолжая учёбу в Киевском геологоразведочном техникуме, я с интересом наблюдал за подобными публикациями в прессе. Но не более того. «Золотая лихорадка», несмотря на грёзы детства, меня не коснулась. В это время я был с головой увлечён темой происхождения гранитов и мигматитов. В свободное от занятий время я путешествовал по гранитным карьерам Житомирщины, Киевской и Черкасской областей. Не оставлял без внимания и родные кременчугские карьеры...

Золото я не искал. Оно «находило» меня само. Запомнился случай, когда на лекции по курсу «месторождения полезных ископаемых» наш преподаватель, Ширин Владимир Афанасьевич, распределял между студентами темы докладов. Никакой избирательности при этом не было. Перед ним на столе лежало два списка – список студентов и список полезных ископаемых, о которых нужно было подготовить доклады. Оба списка он зачитывал параллельно. Очередь быстро приближалась к моей фамилии. Я лишь успел подумать с отчаяньем: «Обидно, что золото кому-то другому достанется, а я даже образцы с Мурунтау продемонстрировал бы». И вдруг ушам своим не верю: «Коваль – золото». И в следующий момент Ширин решил уточнить: «Согласен? Подготовишь?». Я утвердительно кивнул головой.

Золото в кварце. Мурунтау. Источник фото: http://mos-test.ru/netcat_files/Image/Obrazci_Au.gif

Доклад я подготовил от души, с демонстрацией образцов и цитированием газетных публикаций. Даже поспорили с Шириным по Мурунтау. На моё замечание о том, что золото на этом месторождении сплошь тонкодисперсное, он категорически возразил, ссылаясь на сообщения своего знакомого коллеги, работающего в Зарафшане: на Мурунтау есть видимое золото! Впрочем, жизнь показала, что я проспорил. Спустя 13 лет я вновь побывал в Зарафшане и в местном геологическом музее видел образцы кварца с визуально различимыми вкраплениями золота – около миллиметра в поперечнике.

Зашёл однажды разговор о золоте и с другим преподавателем, с уже известным читателю Николаем Ивановичем Бублиём. Иногда я показывал ему образцы пород, привезённые из различных гранитных карьеров Житомирщины. Как ценителя минералов они его мало интересовали. Просто я сверял с ним точность даваемых мной определений. Но даже его, опытного геолога, добытые мной камни порой ставили в тупик: «И где ты находишь такое!? Навезёшь, а мне потом голову ломать...».

Однажды при виде моих очередных находок Николай Иванович особенно оживился:

– А это ты откуда привёз?!.

– Вот отсюда, – отвечаю ему, тыча пальцем в карту Житомирской области. – Здесь, у станции Ушица, есть большой карьер...

Долго разглядывая образцы в лупу, Николай Иванович продолжал интригуяюще восторгаться. А потом признался, что точно с такими же породами – кварцево-турмалиновыми метасоматитами – он встречался в Забайкалье, и там с ними было связано золотое оруденение. О существовании же таких пород на Украинском щите он не предполагал...

Ландшафты Чукотки. Источник фото: http://bigasia.ru/upload/iblock/cd2/TASS_678013.jpg

Первую геологическую практику я проходил на Чукотке, и тоже на месторождении золота. Мы прилетели в заполярный город Певек, расположенный на берегу Чаунской губы – залива Северного Ледовитого океана. Через два дня, после прохождения инструктажа, нас перебросили на вертолёт на 250 километров южнее – вглубь Анадырского плато. Там-то мы и участвовали в разведке недавно открытого месторождения...

К сожалению, золото там тоже оказалось невидимым. Тонкие пылеватые частицы его были рассеяны в жилах так называемых вторичных кварцитов, которыми была пронизана толща древних вулканических пород. Мы отбирали пробы глин по заранее намеченным профилям, потом их сушили, просеивали и рассыпали по бумажным пакетикам. В лаборатории спектральный анализ должен был показать содержание золота в каждой пробе. Результатов этих анализов мы, конечно, не дождались: отработали два месяца – и домой, конец практике. Но «инопланетная» чукотская природа запала в сердце на всю жизнь. В дополнение к ярким впечатлениям я увозил с Анадырского плато набитый камнями рюкзак.

Некоторые из моих чукотских находок, с золотом, правда, напрямую не связанные.

Занятно, но следующим летом я оказался единственным счастливымчиком из всего нашего техникума, попавшим на практику в Горный Алтай. И опять на месторождение золота!..

Приехав на место прохождения практики, я ознакомился с геологическим отчётом прошлых лет, и вначале не придавал значения краткому упоминанию в нём о видимом золоте. Оно, якобы, встречалось в местных рудах в виде чешуек, плёночек и проволочек. Доля нас – студентов – была опять незавидной: мы должны были бродить по таёжным буреломам с тяжёлым стальным шнеком в руках и отбирать пробы глин для отправки их на анализ. Почти как на Чукотке! Только там местность была открытой: каменистые голые сопки перемежались с кочкато-болотистой тундрой в долинах рек. А здесь – тайга, буреломы и трава местами в человеческий рост.

Несмотря на наличие действующих шахт и штолен, я уже не сомневался в том, что золота мне опять не видать как собственных ушей. Но, к счастью, я ошибся. Однажды, возвращаясь с начальником партии из очередного маршрута, мы проходили мимо заброшенного карьера. Анатолий Иванович, предложил мне заглянуть ненадолго туда. Ему нужны были образцы для отчёта. Пока он ковырялся в центре карьера, я обследовал развалы глыб по периферии. Интересного было много. Основной рудоносной породой здесь были скарны. Они в изобилии содержали минералы меди – халькопирит, борнит, малахит и азурит, а также минералы свинца, цинка, серебра и висмута. Породообразующие минералы скарна – гранат и волластонит – также образовывали местами эффектные выделения. В одном из подобранных камней я заметил скопление крохотных жёлтых чешуек. Царапнуть, чтобы проверить золото это или похожий на него пирит, у меня не было чем. Обратился за помощью к Анатолию Ивановичу...

«Это золото», – так обыденно и невозмутимо ответил он. А у меня от его слов аж дыхание перехватило: вот он, мой «звёздный час» – моя коллекция впервые пополнится образцом с настоящим золотом! Азартно продолжая поиск, я успел отыскать ещё несколько обломков скарна с подобными чешуйками. И это было только начало...

Находки, сделанные в последующие дни, ещё больше меня раззадорили. Крохотные золотые чешуйки, подобные тем, что были найдены в первый раз, вскоре перестали меня интересовать на фоне гораздо более эффектных выделений самородного металла. Круша геологическим молотком одну глыбу скарна за другой, я порой находил на поверхности сколов прерывистые плёночки золота, имевшие размер в поперечнике порой до нескольких миллиметров, а также скопления менее крупных чешуек и отдельные зёрна до миллиметра в диаметре. Прелесть же добытых образцов заключалась не только в наглядности и количестве содержащихся в них золотин, но и в ассоциации этих золотин с другими минералами. Наиболее часто выделения золота располагались в породе на фоне фиолетово-чёрных скоплений борнита –

одного из сульфидов меди. В образцах присутствовали также белый параллельно-игольчатый волластонит, зелёный и красновато-коричневый гранат, белый кальцит, изредка кварц. А вот похожие на золото пирит и халькопирит почему-то его «сторонились» и образовывали гнёзда, удалённые от видимых выделений золота.

Количество добытых образцов с золотом быстро росло, уже далеко превысив потребности частной коллекции. Но остановиться я не мог. Азарт подогревался надеждой, что впереди меня ждёт самая-самая удачная находка. Излишками же можно было щедро поделиться с музеями, с преподавателями и друзьями.

Одна из штолен, выходящих в карьер. Автор на глыбах с золотом.

Со временем, «набив глаз» в расколачивании скальных образцов, я словно заранее чувствовал золото в них – почти безошибочно мог угадывать какой камень стоит колотить, а какой колотить бесполезно. Моё особое чутьё позволяло мне быть явно удачливее своего конкурента – Макса, студента из Новосибирска, с которым мы на пару посещали «золотой» карьер. В отличие от меня, его не интересовала научная или эстетическая ценность вкрапленного в скалу золота. Он ножом выскребивал золотины в пробирку, ведя им счёт на граммы. Количество добытого таким образом золота он не скрывал от меня – хвастался. Но меня его успехи не впечатляли: за месяц он наскоблил жёлтого металла не более чем со спичечную головку. Причём это золото содержало в себе не менее трети частиц сопутствующих минералов.

Макс за работой...

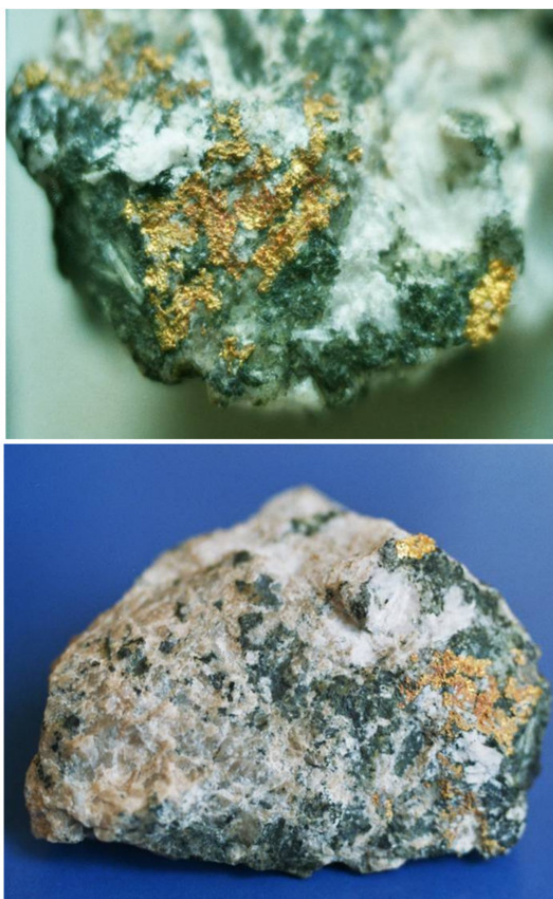
Потом у меня появились ещё конкуренты – две студентки из Томска. Наслушавшись наших «старательских» рассказов, они тоже загорелись желанием обзавестись образцами с золотом. Приведя их в карьер, я не стал делать тайны и прямо указал им на место, где нам с Максом везло больше всего. Мне казалось, что это «месторождение» нами уже практически выработано, хотя «третьесортные» золотины, подобные моим первым находкам, там ещё должны были быть. Сам же я тем временем решил испытать удачу в другой части карьера...

И мне опять повезло! Поверхность одного из скальных уступов была густо усеяна мелкими золотинами до миллиметра в диаметре. Правда, выколотить их было проблематично: нигде в скале не было видно ни одной трещинки, с которой можно было бы начать разбор монолита. Тогда я занялся обломками под скалой...

Часа через два ко мне пришли девчонки и стали жаловаться: мол, нет там никакого золота – переколотили столько скарна, но не встретили даже одной крохотной чешуйки. «Такого не может быть!» – с полной уверенностью ответил я, и повёл девчонок обратно, чтобы доказать им на практике обратное. По пути, для подстраховки, заключил с горемыками устный договор: мол, лучший образец забираю себе.

И, как показала практика, правильно сделал! Уже едва ли не после первого удара по первому приглянувшемуся куску скарна в свежем сколе на солнце засияло целое «созвездие» относительно крупных золотых чешуек. Даже у меня от неожиданности перехватило дыхание, а уж девчонки-то как были удивлены! Следующий удар – и отколовшийся осколок породы повис на золотой плёночке, словно крышка шкатулки на металлическом шарнире. «Это я тоже беру себе», – деловито сообщил я. Опять удар – и снова удача...

Я сам не ожидал такого везения. Логичное объяснение этому было одно: видимо, как говорится, успел набить глаз. В результате забрал себе не один, а сразу два самых удачных образца. Девчонки запищали: «Мы так не договаривались!». Но я был непреклонен, и камни оставил себе. После этого случая они втайне прозвали меня «золотым мальчиком»...

Золото в скарне. Горный Алтай. Фото автора.

За время прохождения практики мне удалось собрать шикарную минералогическую коллекцию. В числе моих трофеев были десятки образцов с золотом, борнитом, халькопиритом, волластонитом, эпидотом, зелёным и бурым гранатом, азуритом, образцы скарнов и прочих вмещающих пород. По возвращению домой, лучшую часть этой коллекции передал Кременчугскому краеведческому музею, один образец с вкраплениями золота подарил Музею естествознания Харьковского университета, а потом несколько месяцев одаривал образцами с золотом своих друзей и преподавателей техникума. В конце концов, уже не зная, куда девать

мелкие осколки скарна с «третьесортными» золотыми чешуйками, я просто вывалил их на стол в общежитии со словами: «Разбирайте, кто сколько хочет!».

Так в свои 23 года я «сорил» золотом налево и направо. Это было время, когда казалось, что всё только начинается, вся жизнь впереди, и судьба уготовила мне стезю фантастически удачливого геолога.

Коротая вечера в студенческом общежитии, мы, конечно же, часто делились между собой «полевым» опытом: рассказывали друг другу кто и где проходил практику, что где видел и находил. Мне запомнился рассказ одного студента, Генки, проходившего практику на Камчатке. Однажды он мыл шлихи на какой-то речке и нащупал в мутной воде галечку. Галечка как галечка – в камчатских речках таких полно. Но когда он отмыл её от налипшей глины, она вдруг ярко засияла на солнце жёлтым металлом.

– Золото! – не в силах сдержать восторга закричал Генка и победно поднял над головой свою нечаянную находку.

– А ну-ка, неси его сюда, – деловито промолвил начальник партии...

Так бесславно Генка расстался с этим золотым самородком. Зато остался чист перед законом. А начальник партии, конечно же, сдал его куда следует. Геологи и археологи никаких вознаграждений от государства за найденные в земле сокровища не получают, ибо находить золото – это их работа...

Другой студент, Витёк, рассказывал о своей работе на Южном Буге. Это на юго-западе Украины. С напарником, штатным геологом, они мыли шлихи, и однажды Витьку в шлихе попала маленькая золотая чешуйка. Одному Богу было известно, как она попала в местный песок. Витька эта находка заинтриговала: вдруг они находятся на пороге открытия золотого месторождения? Но его напарника эта золотина не обрадовала нисколько, даже наоборот. Проворчав о проблемах с отчётностью, которые якобы может повлечь за собой эта находка, он выбросил шлик вместе с золотиной.

– Будем считать, что мы ничего не находили, – сказал он изумлённому Витьку.

На том история золота Южного Буга и закончилась.

Вообще, самородками называются природные куски золота, размер которых превышает 4 миллиметра. Как правило, самородки находят в россыпях – в рыхлых отложениях по долинам рек. Но далеко не все реки содержат в своих рыхлых отложениях золотые самородки. Для того, чтобы речные отложения стали золотоносными, необходимо чтобы золото содержалось в скальных породах, которые размывает река. «Очищенные» выветриванием от вмещающей породы включения золота перекачиваются быстрым течением горной реки и заносятся песком и глиной там, где это течение замедляется.

Добывать золото из россыпей легче всего. Поэтому можно быть уверенным в том, что первое золото, с которым познакомилось человечество ещё в древности, было россыпным, а не рудным. Хотя иногда самородки образуют скопления и в руде – «гнезда». Так, например, на Урале в своё время нашли «гнездо», масса всех самородков в котором превысила 200 килограммов. Средневековый хорезмский учёный Бируни в своей «Минералогии» упоминает о золотом самородке, найденном в Зарубане (юг нынешнего Афганистана), масса которого составляла в переводе на современные меры примерно 2,5 тонны. Этот самородок, скорее всего, представлял собой такое же «гнездо». Бируни также рассказывает о частых находках кусков самородного золота массой от 24 до 32 килограммов. А на территории нынешней Чехии находили самородки весом 60—70 килограммов.

К сожалению, судить о массе и размерах того или иного самородка, найденного в древности, мы можем лишь со слов автора, сообщившего о нём, так как практически все эти самородки были переплавлены в слитки, монеты или украшения.

Самый большой российский самородок – «Большой треугольник» – муляж которого я видел в Музее природы Харьковского университета, сохранился и пребывает ныне в запасниках российского Алмазного Фонда. Найден он был в 1842 году на уральском прииске вблизи Миасса рабочим Никифором Сюткиным в яме на глубине 3 метра. Как уже писал выше, это была глыба чистого золота весом 36,2 килограмма. Деньги, полученные за свою находку (более тридцати годовых заработков), Сюткин пропил, опустил и умер в нищете.

В 1869 году в Австралии, в колее дороги, был найден самородок «Желанный Незнакомец», массой почти 71 килограмм. Там же, в Австралии, был найден обломок золотой жилы весом 285 килограммов, получивший название «Плита Холтермана». Вес чистого золота в этом обломке составил 93 килограмма. Любопытна история находки самородка «Оливер Мартин» массой 36 килограммов. Его нашёл старатель в Калифорнии, когда рыл могилу для своего умершего компаньона.

В наше время месторождения золота со столь крупными самородками уже давно выработаны, и всё чаще человечество довольствуется россыпями и рудами, концентрация золота в которых составляет единицы граммов на тонну породы.

Однако «золотой» голод человечеству вряд ли грозит. Дело в том, что золото – весьма распространённый элемент в природе. И весьма расплывчатый...

Золото окружает нас повсюду: в небольших концентрациях оно содержится в почве, грунтовых водах, даже в растениях и животных. В растения оно попадает вместе с солями, растворёнными в грунтовых водах, а с растительной пищей поступает и в организм животных. В золотоносных районах деревья содержат от 0,6 до 6 мг золота на тонну сырой древесины. В каменном угле золота может содержаться до 10 мг на тонну.

По подсчётам исследователей, в среднем в 1 кубическом километре горных пород содержится почти 14 тонн золота, а в 20-километровом слое земной коры его почти 100 миллиардов тонн. Обнаружено, что антарктический вулкан Эребус выбрасывает в воздух вместе с пеплом тончайшую золотую пыль. В день из кратера вулкана вылетает порядка 80 граммов драгоценного металла. А по наблюдениям французских ученых, вулкан Этна на острове Сицилия ежедневно вместе с пеплом выбрасывает в атмосферу в виде мельчайших частиц 2,5 кг золота.

Концентрация золота в железных метеоритах достигает иногда 5—10 граммов на тонну. Ежегодно в атмосфере Земли распыляется около 3500 тонн метеоритного вещества, в котором находится примерно 18 килограммов золота. Следовательно, только за последний миллион лет в земной атмосфере было распылено 18 тысяч тонн золота, большая часть которого в конечном итоге попала в Мировой океан.

В водах Мирового океана концентрация золота варьирует в широких пределах – от 3,65 мг до 60 мг в 1 кубометре. Только из Амура в Татарский пролив ежегодно выносятся около 9 тонн золота. По подсчётам специалистов, в воде Мирового океана должно содержаться до 27 миллионов тонн золота. Современные технологии позволяют добывать золото из морской воды, но издержки производства при этом не оправдываются стоимостью добытого таким образом драгоценного металла. Так что сегодня нам нужно поработать над новыми технологиями добычи золота, чтобы не остаться на «голодном пайке» в будущем.

Развал экономики страны в начале 90-х годов прошлого века внёс свои негативные коррективы в судьбы миллионов людей. Не обошла эта участь и меня. После окончания техникума я не смог устроиться на работу по специальности. В то время в Украине уже было весьма сложно устроиться на работу вообще, хоть куда-нибудь. Приходилось перебиваться временными заработками. Родители настаивали на моём переезде в Пермь. Там, по их мнению, у меня было гораздо больше шансов достойно устроить свою жизнь.

Хотя в Перми жили наши родственники, и моя сестра вышла там замуж, я страшился грядущего переезда. Несмотря на то, что родился я на Урале, Кременчуг, Украину считал своей

родиной. Бессрочная разлука с родными местами, с друзьями, со всем тем, к чему прикипел с детства, казалась мне равноценной смерти.

За три месяца до отъезда ко мне в голову пришла идея организовать в Кременчугском краеведческом музее «прошальную» тематическую выставку – «Золото в природе». Всё лето я собирал, редактировал и перепечатывал на пишущей машинке познавательную информацию о природном золоте. Пригодились образцы с самородным золотом, привезённые с Алтая, а также образцы пород и минералов, сопутствующих золотому оруденению, привезённые с Чукотки и из Узбекистана. Сотрудники краеведческого музея оказали мне техническую помощь в подготовке экспозиции.

Осенью, буквально за несколько дней до моего отъезда, выставка тихо, без высоких речей, открылась. Правда, говорят, был показан сюжет о ней по местному телеканалу. А спустя два месяца в местной газете появилась заметка о выставке, написанная Натальей Валентиновной Музыченко, сотрудницей отдела природы краеведческого музея.

Говорят, выставка имела большой успех – на фоне традиционно малой посещаемости провинциального краеведческого музея. Не знаю, посещал ли её кто-нибудь из тех, кто прежде с насмешками и иронией относился к моему увлечению. Однако я был безмерно счастлив привести на выставку свою бывшую одноклассницу, Аню, к которой испытывал трепетные чувства ещё со школьной скамьи. Она с любопытством рассматривала камни в витринах и внимательно перечитала все информационные листки на стендах (плод моего анализа геологической литературы и газетных публикаций о золоте). Неподдельный интерес в её глазах был для меня, пожалуй, главной наградой.

Работу по специальности я не нашёл и в Перми. Всюду на предприятиях шли сокращения. Сокращали и геологов. Мне повезло, что я смог устроиться шлифовщиком в цех по производству облицовочных плит из натурального камня. Работа была тяжёлая, в сыром и почти не отапливаемом цехе, на разбитом старом оборудовании, но всё-таки с камнем. Оптимизм внушало то, что директор, ознакомившись с моим дипломом, обещал мне в будущем, когда предприятие начнёт развиваться, работу по специальности. Более того, он красноречиво убеждал, что сделает из меня «первоклассного специалиста». Надо было только переждать у станка период всеобщего кризиса.

Один из рабочих нашего завода оказался бывшим золотодобытчиком. В прежние годы он работал в старательских артелях где-то в Сибири. Работал бы, по его словам, и дальше, но был вынужден вернуться домой из-за болезни матери. Узнав, что я геолог, он стал учить меня «разуму»: мол, пока молодой и здоровье позволяет, надо ехать на Север и «загрести деньги лопатой» в старательской артели. И я уже был готов воспользоваться «заветными» адресами, которыми меня снабдил бывший артельщик, но в последний момент меня отговорил от этого шага Александр Алексеевич Болотов, старый пермский геолог.

С Александром Алексеевичем мы познакомились в краеведческом музее. Готовясь осваивать просторы Пермской области, я нуждался в добром советчике. В поисках такого советчика пришёл в краеведческий музей. А там мне указали на Болотова...

По мнению Александра Алексеевича, ничего хорошего меня на Севере не ожидало. Золотодобывающая отрасль тоже переживала кризисные времена, и старателям не платили деньги, как и всюду по стране. Мне сразу вспомнилась история моего отъезда с алтайской практики, когда я, не получив расчёт, был вынужден добираться домой, на Украину, автостопом. Восемь суток пути без нормального сна и пищи, десятки попутных машин...

В общем, я решил не испытывать судьбу...

А весной Александр Алексеевич повёл меня в геологическую экскурсию по окрестностям города. Интересно было узнать из его рассказа, что в пермских песках содержится золото –

до 2 грамм на тонну. По современным меркам – промышленная концентрация! Но «мыть вручную – на хлеб не намоешь».

Тем не менее, несколько золотых чешуек, – так называемых знаков – намытых старательским лотком из пермских песков могли бы украсить мою коллекцию. Но, к сожалению, лотка у меня не было, да и не было опыта работы с ним. Геологам лоток часто требуется для промывки шлихов. Но во время прохождения практики – что на Чукотке, что на Алтае – необходимости промывать шлихи не возникало. Лишь однажды на Алтае, один геолог, Сергей, на досуге решил провести для меня «мастер-класс» по работе с лотком. Мы пришли на берег речки Синюхи, где в былые времена «кормилось» золотом всё местное население, и приступили к работе. Много золота Сергей мне не обещал, так как весь песок Синюхи в «застойные» годы был перемыт драгой. Но отдельные золотые чешуйки, по словам Сергея, встречались здесь почти в каждом шлихе. Я был уверен, что у меня получится. После нескольких показательных операций Сергей передал мне лоток с наполовину промытым шлихом. Среди других песчинок он успел заметить на его дне золотую чешуйку. Мне надо было завершить начатое дело. Завершить-то я кое-как завершил, но когда Сергей проверил мою работу, самого главного – золотины – среди шлиха не обнаружил.

– Вот это да! – изумлённо произнёс он. – Чтобы смыть из лотка золото – это надо постараться!

Тренировать меня у него не было времени. А я и не расстроился, поскольку гораздо лучше у меня получалось находить золото при помощи молотка.

Золото Алтая врезалось в мою память ещё одним загадочным наблюдением. В процессе отбора образцов в «золотом» карьере мои глаза постоянно невольно замечали пронесшиеся со скоростью молнии тонкие изгибающиеся тени. Они возникали только на поверхности камней. Подобные тени изредка мне виделись и прежде, в гранитных карьерах Житомирщины. Вначале я думал, что мне это кажется – что-то в глазах зарябило. Но на Алтае отпали все сомнения: тени «настойчиво» проносились перед моими глазами одна за другой, и их уже невозможно было игнорировать. Я заподозрил, что мои глаза фиксируют нечто запредельное. «Может это визуальные проявления энергетики камня?» – мелькнула у меня робкая догадка.

В студенческие годы я общался с Галиной Геннадьевной Павловой, петрографом, преподавателем Киевского университета. В своих исследованиях она сосредоточилась на теме «тонкой» энергетики минералов, развивала теорию неких «трансмутаций» химических элементов, доказывая при этом, что одни минералы могут превращаться в другие, кардинально изменяя свой химический состав без привноса-выноса вещества. Сторонником развиваемой ею теории я не стал – слишком радикально она расходилась с традиционными научными представлениями. Но что-то из этой «ереси» – допускал я – в природе могло иметь место. Впрочем, несмотря на различия в наших убеждениях, с Галиной Геннадьевной всегда было интересно общаться. Выслушав мой рассказ о скользящих по поверхности камней тонких тенях, она с уверенностью констатировала: это визуальные проявления энергетических импульсов минерального царства. Иными словами, я видел то, что другим видеть не дано.

Но почему я видел эти энергетические всплески преимущественно над поверхностью образцов с золотом? Потому что золото по сравнению с другими минералами обладает повышенной энергетикой? Или, может, я от природы настроен на «волну» этого минерала?

Спустя годы судьба свела меня с интересным попутчиком. Я возвращался из очередного экстремального похода за минералами. Поезд «Киев – Москва» едва тронулся от перрона, как мой пожилой, но бодрый духом сосед по купе завёл со мной беседу. Оказалось, он был сотрудником какого-то НИИ, занимавшегося разработкой приборов для защиты человека от различных негативных излучений, в том числе от психотронного оружия. Кроме того, в прежние годы он учил бойцов спецподразделений искусству выживания в экстремальных условиях. По его

словам, в ходе служебных командировок он облазил все горы Советского Союза. Так что мне подвернулся крайне интересный и полезный попутчик. Собственно, наш разговор и начался с его замечаний в адрес моего увесистого рюкзака...

Говорили мы с ним до глубокой ночи (благо, что на станциях никто к нам в купе больше не подсел). Переходили от темы к теме. И поскольку мой собеседник оказался весьма компетентным в вопросах, касающихся взаимодействия человека и «тонкого мира», я рассказал ему о своих алтайских наблюдениях – о мелькающих тонких тенях над образцами с золотом. Мой рассказ его не удивил. Более того, он с оживлением отметил, что ранее уже слышал нечто подобное от геолога, открывшего Клёсовское месторождение янтаря в Ровенской области. Своих коллег тот якобы поражал тем, что чисто интуитивно мог указать на скопления янтаря в том или ином месте. И практически безошибочно!

Вспоминая как «липло» золото к моим рукам на Алтае, я снова взгрустнул о том, что смог бы, наверное, успешно работать в золотодобывающей отрасли. Может, даже открыл бы где-нибудь целое месторождение. Но однажды попытка устроиться на работу в старательскую артель оставила у меня весьма неприятный осадок...

Золото часто называют «жёлтым дьяволом» – и для красоты словца, и для того, чтобы списать на его счёт причины едва ли не всех человеческих бед: мол, это золото во всём виновато, а человек – всего лишь его жертва. Но, на мой взгляд, металл здесь ни при чём. В бедах людей виновато не золото, а человеческие пороки, и в частности алчность. Даже если золото как-то и связано с дьяволом, то оно в его руках играет роль всего лишь увеличительного стекла, через которое тот рассматривает человеческие души, и прибирает к себе только тех, в ком разглядел «свой контингент». В то же время во многих древних цивилизациях к золоту относились как к божественному символу Солнца. Вот и в наше время купола православных храмов покрывают золотом. Скептически отношусь к предсказательной астрологии, но кое в чём согласен с Павлом Глобой: золото не доброе и не злое – оно «наследует» характер своего хозяина. В руках доброго мастера оно превращается в прекрасные ювелирные украшения, в произведения искусства, в детали внутреннего убранства православных храмов и незаменимые детали сложных приборов. Для злого же человека золото – вечный объект зависти, жадности, средство обогащения, «окупающее» собой подлость, предательство, и даже пролитую человеческую кровь.

Лично же для меня золото, прежде всего, остаётся красивым минералом. Самородные металлы, вкрапленные в породу, вообще красивы. И хотя мне так и не довелось держать в руках настоящие золотые самородки, я всё-таки счастлив, что моя детская мечта осуществилась уже в той мере, в какой это было описано мною выше.

ДРЕВНИЕ КОСТИ

Однажды, когда мне было 9 лет, на берегу речки, протекавшей неподалёку от нашего дома, я подобрал обломок кости. Её вымыло из прибрежного ила по весне, во время таяния снега...

По легенде, в этой речушке купалась сама Екатерина Великая во время своего вояжа по Новороссийской губернии. Новороссией тогда назывались земли юга современной Украины, недавно присоединённые к российской империи после победы над Крымским ханством. А Кременчуг из пограничной крепости превратился на некоторое время в губернский город, столицу новой административной единицы. Командовал кременчугским гарнизоном сам Александр Васильевич Суворов. К приезду императрицы городу постарались придать столичный вид с потёмкинским размахом. Екатерине Кременчуг очень понравился. Не оставила она, якобы, без внимания и эту небольшую речушку. Спускалась она к ней, как гласит легенда, по белым мраморным ступеням. Мраморными плитами якобы было выложено и дно речки в том месте, где императрице было предложено искупаться.

Теперь в это трудно было поверить, поскольку речушка поросла камышом, затянулась ряской, а местные жители местами превратили её берега в свалку бытового мусора. В довершение к этому в неё периодически сливали канализацию. Стала гибнуть рыба. Я с друзьями пытался спасти мальков: вылавливал их сачком и выпускал в наполненную водой бочку, стоящую в нашем огороде. Ещё у меня была мечта найти остатки мраморной лестницы, а также очистить дно речки хотя бы от металлолома с помощью «сильного магнита», который обещал принести один из моих друзей. Обещанный магнит он так и не принёс. И мне оставалось беспомощно созерцать, как речка продолжает превращаться в большую помойку.

Кости, белеющие в кучах мусора на её берегу, мне приходилось видеть и прежде. Но эта кость привлекла моё внимание необычным коричневым цветом, который, по моему мнению, однозначно свидетельствовал о её древности. В пользу древности кости свидетельствовали и пронизывавшие её трещинки. Некоторое время я хранил её в своей детской коллекции, пока не стал находить нечто гораздо более существенное...

Благодаря маме, работавшей в библиотеке медицинского училища, я с ранних лет имел возможность читать интересные книги. Причём больше всего меня интересовала археологическая тематика. Вряд ли это было только лишь потому, что я мечтал найти клад. С ранних лет меня живо интересовало то, каким был мир до моего рождения. Именно поэтому меня завораживали старинные вещи – они были молчаливыми свидетелями тех событий, которые происходили до моего появления в этом мире. Я завидовал археологам, выкапывавшим из земли древности. Само прикосновение к ископаемым раритетам мне казалось волшебным актом прикосновения к прошлому.

Рано заинтересовал меня и вопрос о происхождении человека. Уже во втором классе я прочитал первую научно-популярную книгу на эту тему, из которой узнал кто такие австралопитеки, питекантропы, неандертальцы и кроманьонцы. Несмотря на инстинктивный страх, испытываемый перед человеческими костями, мне страстно хотелось раскапывать в пещерах стоянки первобытных людей, а в школе, на уроках рисования я даже изображал в своём альбоме черепа неандертальцев. Древние инстинкты теснила детская любознательность...

Во время «раскопок» в огороде я порой находил мелкие косточки, и даже небольшие челюсти с зубами. Но то были останки кроликов, которых разводил дед, и которых мы любили кушать, а также, вероятно, останки кошек и собак, когда-то живших в этой усадьбе. Я понимал, что это не древние кости, и знал, что настоящие древности следует искать гораздо глубже, и может даже где-нибудь в другом месте. Но где?

Я грезил раскопками, но не знал, где именно следует копать землю, чтобы найти стоянки первобытных людей, древние города, затерянные сокровища, кости ископаемых животных. Опыт огородных раскопок говорил о том, что наобум можно копать долго, но безрезультатно.

С появлением в моей жизни Песчанского карьера ситуация изменилась. Прежде недоступные для меня земные слои были там обнажены на большом протяжении. Несмотря на название, в этом карьере добывался исключительно гранит. Имя же ему дало расположенное рядом село Песчаное. На гранитах лежали зелёные «глины», а ещё выше – желтовато-белые кварцевые пески. Поскольку пески залегали под слоями чернозёма и рыжевато-глины, сомневаться в их древности не приходилось. Но какова степень этой древности я понятия не имел.

Вопрос о происхождении и геологическом возрасте карьерного песка не давал мне покоя. Этот песок очень походил на тот, который слагал современные берега Днепра. Но от Песчанского карьера до днепровского берега было около трёх километров. Мне – в то время одиннадцатилетнему мальчишке – трудно было представить, что когда-то Днепр был настолько широк, что линия его левого берега проходила через село Песчаное. Но оказалось, что «расширять» русло Днепра до нескольких километров было совсем не обязательно: где-то я прочитал, что реки, подмывая берега, постепенно изменяют свои русла. В то, что русло Днепра могло за тысячи лет переместиться на три километра западнее, верилось уже легче. Но меня ещё смущало другое обстоятельство: чистые кварцевые пески были распространены на обширной площади восточной окраины города. Эта песчаная равнина с мелкобугристым рельефом, покрытая пятнами сосновых насаждений, отстояла от современного днепровского берега ещё дальше, чем Песчанский карьер. Обширные песчаные пустыри, зажатые между сосновыми лесами, невольно напоминали мне пустыню. И тогда я посчитал наиболее вероятной другую версию происхождения этих песков: они были оставлены древним морем.

В пользу этой версии свидетельствовал и факт находки акульего зуба в песке городского пляжа. А схожесть полуистлевших раковин, находимых в карьерном песке, с раковинами современных днепровских моллюсков, я объяснял тем, что морские моллюски с отступлением моря постепенно приспособились к жизни в пресной речной воде. Но всё-таки оставались некоторые нестыковки, попытаться решить которые можно было с помощью лопаты...

О раскопках в карьерных песках я помышлял неоднократно. Манящая своей белизной рыхлая песчаная толща – совсем не то, что плотный чернозём в огороде – копать её не сложно, и даже приятно. Однако находка, сделанная солнечным днём 1 мая 1981 года, предвосхитила мои намерения...

В тот день, воспользовавшись праздником, я отправился в притихший карьер, чтобы пополнить новыми образцами свою детскую коллекцию «полезных ископаемых». Уже, конечно, не помню, чем именно в этот день я разжился, но главная находка, сделанная почти под занавес моего путешествия, врезалась в память на всю жизнь. Вышагивая по взрытой бульдозером площадке, я случайно заметил у себя под ногами торчащий из песка кончик кости. Потянув за него, я с замиранием сердца вытащил на поверхность большой позвонок светло-жёлтого цвета. Затем, зарывшись руками в песок поглубже, нащупал там ещё одну кость, тоже оказавшуюся позвонком. Вслед за ним таким же образом извлёк на поверхность третий позвонок. Все три позвонка прекрасно сочленились друг с другом, образовав фрагмент позвоночника какого-то крупного животного. Кости отлично сохранились – вместе с позвонками из песка удалось извлечь и межпозвонковые диски. Канал, где размещался спинной мозг, был забит слежавшимся ржавым песком, содержащим большое количество хрупких ракушек и полуистлевших растительных остатков.

В связи с этим принадлежность позвонков я сразу приписал древней акуле (тогда я ещё не знал, что у акулы нет костей – их скелет состоит из хрящей). С величайшей гордостью я

принёс найденные позвонки домой (в то время мы уже жили в городской квартире). Но родители не разделили моих восторгов. Мама потребовала, чтобы я немедленно унёс из дома эту «гадость». Пришлось нести свою находку к бабушке и деду, которые продолжали жить в частном доме.

Реакция бабушки на мои кости тоже была негативной. И хотя я не вносил их внутрь дома, а принялся очищать их от песка на лавочке под яблоней, она неоднократно призывала меня выбросить их. По её версии, это были «кости пропащей лошади». Я не соглашался с ней: ну кто потащит хоронить лошадь в действующий карьер! Гораздо проще было бы похоронить её где-нибудь на пустыре или на поляне в лесу. Но бабушка стояла на своём, вспоминая при этом какие-то страшные случаи из жизни, связанные с пропащими животными.

Я не сдавался и отстаивал свою точку зрения. Однако после того как обнаружилось, что кости легко строгаются ножом, в моей голове поселились некоторые сомнения: видимо, прошло ещё не столь много времени с момента гибели данного животного и кости не успели окаменеть. Я даже допустил мысль, что в какой-то мере бабушка права, и позвонки принадлежат какой-нибудь средневековой лошади. Кости же средневековых лошадей в моих глазах большой научной ценности не имели – те же «пропащие лошади», только слегка «залежавшиеся» в земле. Засомневавшись, а затем и разуверившись в научной ценности найденных позвонков, я однажды хладнокровно их выбросил. Конечно, тяжело было расставаться с красивой легендой о древней акуле. Но авторитетное мнение бабушки, понимавшей в лошадиных костях явно больше, чем я, перевесили мои изысканные фантазии.

Между тем, мелкие костные обломки периодически встречались мне в карьерном песке и впредь. В большинстве случаев их вид – жёлто-коричневый цвет, сеть глубоких трещин, сглаженные края сколов – упорно наводили на мысль об их почтительной древности. Во всяком случае, они разительно отличались от тех костей, которые мне порой приходилось находить в тарелке с маминым борщом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.